

ВЫБЕРИ СЕБЯ
коуч - тренер

...

Бали не для всех

История о свободе, которой не было

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДЭН ОТТО

18+

Дэн Отто

Бали не для всех. История о свободе, которой не было

<https://litres.ru/74122189>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она улетела на Бали. Сказала, что устала. Сказала, что хочет найти себя. Сказала, что это не навсегда.

А он остался. С дочкой, ипотекой, горами немытой посуды и полным отсутствием представления о том, как заплести косички.

Это история не про «всё хорошо». Это история про то, как иллюзия свободы оборачивается пустотой. Как пятизвёздочный отель не заменяет дома. Как Бали — это красиво, но не для всех.

«Бали не для всех» — книга о том, как важно не потерять себя. И о том, что настоящая свобода — это не когда ты одна. А когда ты можешь остаться.

Содержание

Часть 1. Последний спокойный	6
Часть 2. «Записка»	12
Глава 7. Утро, которое научило меня ценить бананы, косички и мягких корги	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дэн Отто

Бали не для всех. История о свободе, которой не было

Оглавление

Часть 1. Последний спокойный

Часть 2. «Записка»

Часть 3. Жизнь — сценарий дешёвого сериала

Часть 4. Бригада поддержки.

Часть 5. Первый день.

Часть 6. Обеденный перерыв.

Глава 7. Утро, которое научило меня ценить бананы, кошечки и мягких корги

Часть 8. Первая неделя.

Часть 9. Выходной. Или как я понял, что быть мамой — это не геройство, а хроническое состояние

Часть 10. Воскресный дзен.

Часть 11. Быт.

Часть 12. Утренник. Или как я впервые за пять лет стал папой, а не «добытчиком»

Часть 13. Как я перестал ждать и начал ехать в своём направлении

Часть 14. Бали. Мысли вслух, которые я никому не скажу

Часть 15. Пирог, кино и один поцелуй, который никто не планировал

Часть 16. Встреча с Дэном.

Часть 17. Восемь месяцев.

Часть 18. Ужин, который всё решил

Часть 19. Холодный дом

Часть 20. Соседи

Часть 21. Юля

Часть 22. Дорога

Часть 23. Разговор

Часть 24. Её ход

Часть 25. Новое утро

Часть 26. Воспоминание

Часть 27. Быт

Часть 28. Эпилог

Часть 1. Последний спокойный

— Алё, Колян, здорово, салют, мужик! Ну че ты там делаешь этим томным вечером в среду?

— Да ниче, Илюха. Пивка решил попить. Заскочил тут во дворе — разливушка новая открылась. Представляешь, крафт какой-то, но по цене как обычное. И к тому же наши сегодня играют, со сборной Египта. Да футбол, конечно, уже не тот. Раньше хоть драки были, а теперь — одни подкаты.

На фоне — Ленин голос из комнаты. Спокойный пока, но с той ноткой, которая у нормальных мужиков вызывает желание спрятаться за диван.

— Алиса, ты зубы чистила?

— Ну, ма-а-ам, я ещё пять минуточек мультик посмотрю! Ну пожалуйста!

— Пять минут. И не спорь.

— Илюха, — говорит Колян, — а у тебя там шумно. Скучно ты живёшь, брат. Ни в клуб сходить, ни по пиву посидеть в тишине.

— Да не знаю, Колян, — говорю я, доливая себе вторую кружку (или третью, я уже сбился со счёта). — По мне так у нас всё ништяк. Правда, начальник задолбал. Мы там на-косячили с отгрузкой. Доски отправили во Владивосток, а двери в Краснодар. А должны были наоборот, конечно. Чей косяк — хер знает. Но накажут всех точно. У нас так: если

кто-то промохнул — виноваты все. Демократия, блядь!

— Алиса! — голос Лены уже громче. — Опять все игрушки раскидала по комнате! Быстро убирать и спать!

— Ну, ма-а-ам!

— Я сказала!

— Ладно, Илюха, — Колян вздыхает в трубку. — Давай до завтра. Не кисни там с рутиной семейной. Может, в пятницу рванём куда?

— Давай, посмотрим.

Я кладу трубку. Отпиваю пиво. Смотрю на мигающий телевизор, где наши с Египтом возятся на поле с таким видом, будто им заплатили за ничью.

Это был вечер. Спокойный. Обычный. Ржавый такой, с привкусом разливного пива и детских капризов. Я тогда ещё не знал, что этот вечер станет последним спокойным на мой ближайший год. Что уже скоро утром я проснусь, а Лены не будет. Что «НИШТЯК» для меня и для неё — это две параллельные вселенные, которые даже не пересекаются. Что рутина, которая меня сейчас бесит — это, оказывается, и есть счастье. Тупое, но счастье. Потому что, когда она уйдёт — этой рутины не станет. Будет пустота. И гречка. Но об этом позже.

Вы когда-нибудь вообще пытались понять женщин? Да, да, тех самых, которые сидят в декрете. С одним, с двумя, с тремя? Мужики работают — и всё. Все функции сняты. Ты пришёл, поел, лёг. «Устал». А они? Они — не спят, не

едят, ходят в туалет спокойно. Они — в этом аду 24/7 без выходных и без зарплаты. И когда ценить начинаем? Когда они уходят. Или когда мы остаёмся с этим всем сами. Вот как я сейчас. Но пока — я просто сижу, пью пиво, слышу, как Алиса сопит, засыпая, и думаю: «Всё нормально». Нет, Илья. Всё не нормально. Ты просто ещё не знаешь.

«Предчувствие»

Пятница. Вечер. Колян. Как обычно.

Ну, вы знаете эту историю. Мужик неделю пашет — с утра до ночи, с совещаниями, с отгрузками, с начальником, который, считает, что «задержаться на час — это проявление лояльности». А в пятницу вечером у него есть законное право. Право выдохнуть. Право забыть про «надо», «сделать», «отчитаться». Право просто сидеть в баре, пить виски с колой (ну или без колы, кто как) и смотреть на Коляна, который в сотый раз рассказывает, как он мог бы жениться на той, из параллельного, но не сложилось, потому что «она, хотела детей, а я хотел свободу».

Свобода, Колян, — это когда у тебя нет жены, дочки и ипотеки. А есть только ты, такси в три ночи и чувство, что завтра можно проспать до обеда. Но у меня-то ипотека есть. И дочка. И жена, которой я, кстати, цветы еще не купил. Со всем забыл.

Суббота. Утро. Такси.

— Шеф! Тормозни у цветочного!

Я сказал это. Серьёзно. Я сказал «шеф». Кто вообще сей-

час так говорит? Бабушки на рынке? Водители маршруток 90-х? Я! Видимо, виски с колой ударили не только в голову, но и в словарный запас.

— Чего? — переспросил таксист, смотря на меня в зеркало заднего вида. — Цветы, что ли, бабе решил купить с утра пораньше?

— Не твоё дело, шеф. Тормози.

Он тормознул. Я вышел. Купил букет. Готовый. В слюнявке. С ромашками (потому что розы — это для любовниц, а для жены — ромашки, она их любит). И поплёлся домой.

На улице уже было светло. Совсем. В шесть утра. Я ненавижу это чувство, когда выходишь из клуба или бара, а уже светло. Как будто ты пропустил не только ночь, но и часть дня. Как будто жизнь прошла мимо, пока ты пил виски и слушал Коляна про его «свободу».

Мысли лезли в голову. Пьяные, рваные, как старые джинсы.

«Завтра суббота. Сто пудов Лена поднимет меня в какой-нибудь ТЦ. Надо купить туфли дочке. Надо купить землю в горшочке для фикуса, который, не растёт уже три года. Надо заехать к тёте Маше, тёте Глаше и, возможно, покормить единорога возле радуги. Очень важное дело — кормление единорога. Без меня там никто не справится».

Меня подташнивало. То ли от виски, то ли от этих мыслей. Но, знаете, в ТЦ есть один плюс. Я хотя бы поем на фудкорте. Крылышки? Бургер? А может, сразу два? Серьёзно?

Меня сейчас эти мысли беспокоят? В шесть утра, с похмеля, с букетом ромашек в руке?

Да. Беспокоят.

Дом.

Я открыл дверь. Тишина. Странная такая. Не та тишина, когда все спят, а какая-то неправильная.

Я разделся, бросил ключи на тумбочку. Поставил цветы в вазу. Достал из холодильника колу, плеснул туда остатки виски — ритуал. Выпил. Зачем-то вымыл кружку — не помню, когда в последний раз мыл посуду.

В квартире было темно. Лена и Алиса спали. Я заглянул в комнату дочки — она лежала, раскинувшись, одеяло сбилось в комок. Поправил. Поцеловал в макушку. Пахло детским шампунем и чем-то родным.

В спальню заходить не стал. Побоялся разбудить Лену. Или просто не хотел с ней говорить. Или боялся, что она проснётся и начнётся: «Опять пьяный, опять поздно, опять ты...»

Я рухнул на диван в зале. Укрылся пледом. Закрыв глаза.

В голове гудело. Тело ломило. Но что-то было не так. Я не мог понять — что. Вроде всё как обычно. Вроде те же стены, тот же запах, та же тяжесть в ногах. Но внутри — холодок. Как будто кто-то открыл форточку, и сквозняк пробрал до костей.

— Сплю, — сказал я себе. — Просто устал. Завтра будет лучше.

Я вырубился.

Это был последний сон, в котором я думал, что у меня есть счастливая семья.

Часть 2. «Записка»

Боже, что мне этот бармен лил в стакан? Бензин, что ли? Голова раскалывалась так, будто в ней играла группа «Коррозия металла» на полную мощность. Я протянул руку к телефону, щурясь от света. На часах — 12. Странно. Дали до двенадцати поспать. Необычно. Но ничего. Значит, чем-то занята была. А почему Алиса не скачет? Тишина. Ладно, отдохну ещё часок, пока есть возможность. Не часто такая возможность выпадает. Нам же вечно в выходные с утра куда-то надо. Постоянно. Каждые выходные. А если не надо, то надо пылесосить в десять утра, блядские шторы менять или намывать стекла. Короче, нам по любому нужно себя задолбать в выходные. Определённо.

Конечно, Лене скучно. Вот и надо придумывать себе занятия. По крайней мере, я так раньше думал. Раньше.

Ладно. Ютуб весь посмотрел. Минералка заблаговременно подготовленная выпита. Пора на разведку.

— Лена! — крикнул я. Тишина. — Лена! — громче. Никого.

Может, в магазин за продуктами ушли? Да нет, они же давно заказывают на дом. Доставка, приложения, курьеры. Лена ненавидела толпу в супермаркетах. Я, кстати, тоже. Но мне приходилось таскаться туда за пивом. Тоже, блин, традиция.

— Алиса! Малявка! — тишина.

Ладно. Я направился в душ. По пути решил заскочить на кухню — выпить молока. Прямо из пачки. Ох, как это бесит Лену. Но моё похмелье было сильнее её ярости.

Открыл дверцу холодильника. Стою в трусах посреди кухни. С опухшим лицом и причёской, как у Мэрилина Мэнсона в лучшие годы. Допиваю молоко. Оно растеклось по бороде, капнуло на пол. Я закрыл холодильник, растёр пятно ногой. Мысль: *«Да ладно... всё равно потом чисто как-то всё становится»*.

И только я собрался уходить в душ — увидел записку. На магните. На холодильнике.

«Опа, че за приколы?» — подумал я.

Взял листок. Ленин почерк. Но строчки прыгали. Злые строчки.

«ИЛЬЯ!!! Как ты меня задолбал! Я ухожу от тебя! Меня задолбал ты, задолбали все твои пьянки, задолбал мои подруги, меня задолбала уборка, меня задолбали детские площадки, меня задолбали мамочки в саду! Меня всё задолбало, и никто не хочет это замечать. Я выгорела в ноль! Я ухожу от тебя, а точнее уезжаю. На Бали. Надолго. Искать себя! Алиса теперь на тебе. Ты большой мальчик, справишься. Документы в спальне. Алиса сейчас у соседки. Забери и накорми. Прости, но я так большие не могу».

Ха-ха. Подумал я. Смешно. Очень. Я даже в какой-то момент поверил.

Пошёл в душ, не напрягаясь. Стою под горячей водой, в голове мысли: «Да куда она уедет? На Бали? Надолго? Деньги-то откуда? А блин... бабушкин дом же продали. Несколько миллионов у неё есть. Для Бали этого прям не на один год хватит. Ладно, бред какой-то».

Но странное чувство закралось. В душе стало как-то свободней. Воздуха больше. Я выключил воду, начал вытираться и только тогда заметил: а где все её вещи?

Косметики на полке нет. Халата нет. Её тапок нет.

Я начал понимать, что именно я вчера перед сном почувствовал. Эту пустоту. Эту неправильную тишину. Многих вещей нет на своих местах.

Я выбежал из душа. Промчался по коридору. Влетел в спальню. Аккуратная папка с документами дочки лежала на тумбочке. Постель была аккуратно застелена. Вещей Лены уже не было.

«Вот же с., — первым делом подумал я. — Хоть кровать заправила. Молодец какая».

Иронично, блин.

Но всё же до конца не поверил. Звонок на мобильный — отключён. Вот зараза. Интересно, если это правда, как долго она готовила этот побег? Как Том Хэнкс в «Побеге из Шоушенка»? Туннель в подвале долбила годами? Или всё спонтанно решилось после разговора с очередной счастливой разведённой подругой? Подругой, которая уже на втором бокале вина объяснила ей, что «ты достойна большего,

дорогая».

Я сел на диван. Голый, мокрый, с капающей с бороды водой. Посмотрел на папку с документами. На пустые полки в шкафу. На букет ромашек, который я поставил в вазу несколько часов назад. Они ещё не завяли. А моя семья — уже.

И где-то глубоко внутри, под слоем похмелья, страха и неверия, зашевелилась одна единственная мысль: «А я ведь цветы купил. В последний раз. Или нет?»

А что, если это правда? Что, если она реально уехала? На Бали. Без меня. Без Алисы. Надолго. Искать себя. А я остался. С дочкой. С ипотекой. С этой грёбаной жизнью, которую мы строили 10 лет, а она взяла и сложила в чемодан за один вечер?»

В голове смешались злость, страх, обида и какое-то дикое, нелепое облегчение. «Может, это сон? — подумал я. — Может, я сейчас проснусь, а Лена будет на кухне, жарить яичницу, и спросит: "Что ты орёшь? Приснилось чего?"»

Я ущипнул себя за ногу. Больно. Не сон.

Тогда в голову полезли другие мысли. Противные. «А если она права? Если я реально *задолбал*? Если я не замечал, как она уставала, как молчала, как плакала в ванной, пока я смотрел футбол и пил пиво? Что, если я — тот самый идиот? Который думал, что таскает деньги в дом, а сам просто прятался за работой?»

Я хотел закричать. Или ударить стену. Или позвонить ей

и сказать: «Ты дура, возвращайся, мы всё решим». Но телефон молчал. А в спальне было пусто. Так пусто, что звон в ушах стоял. Как в тот раз, когда я прыгнул с вышки на речке и наглотался воды. Только тогда меня вытащили друзья. А сейчас — кто вытащит?

Я посмотрел на дверь. На ромашки. На тапки Лены, которые почему-то остались стоять в углу. И вдруг понял: она их специально не взяла. Чтобы я не поверил до конца. Чтобы мучился. Или чтобы было куда возвращаться. Я не знал. И это «не знал» было страшнее, чем если бы она написала «я тебя ненавижу».

Я встал. Нашёл сухое полотенце. Вытер лицо. Посмотрел в зеркало. На меня смотрел мужик с опухшей рожей, седыми висками и расширенными зрачками. «Ну что, Илья, — сказал я своему отражению. — Поздравляю. Ты — папа и мама в одном флаконе. И, кажется, никто не спросил, готовы ты».

Зеркало промолчало.

Часть 3.

Жизнь — сценарий дешёвого сериала

Бали? Серьёзно? Что вообще за бред? Это вообще со мной происходит?

Нормально же всё было. Я работал. Деньги приносил. Мусор выносил. В магазин ездил. Чего ещё надо-то? Может, мне нужно было ещё научиться читать мысли и летать? Или я что-то не догоняю?

Так, стоп. Вчерашний виски. Надо прийти в себя. Иначе я сейчас начну разговаривать с холодильником. Хотя, судя по записке, он меня поймёт лучше, чем Лена.

Я нашарил стакан. Налил сотку. Добавил яблочного сока. Вообще-то я больше люблю колу. Но в запасе — только детский яблочный сок Алисы. В пакете 0,2. Да, детский сок во взрослом вискаре. Это называется «достижение дна». Или «изобретательность в условиях кризиса среднего возраста». Не знаю. Но вкус так себе. Лучше бы я водичку попил.

— То есть, — сказал я вслух пустой кухне, — она ушла, а я тут сижу и пью виски с соком своей дочери? Господи, какое дно. Ирония, блин. Она бы оценила. Если бы ей было не всё равно.

Так, ладно. Нужно подумать. Че вообще произошло?

Явно прикол какой-то. Так же не бывает. Взяла и свалила. Ладно, меня бросила — бог с ним. Бывало и хуже. Но Алиса-то тут при чём? У неё дочь. Наша дочь. Кто вообще так делает? Это что, новый челлендж из Тиктока? «Брось мужа и улети на Бали, посмотрим, как он выкрутится»?

Ещё двадцать минут — и во мне уже двести грамм. Я начинаю верить. Или не верить. Внутри — каша из виски, детского сока и паники. И где-то под этой кашей прорастает холодная, мерзкая мысль: «Кажется, это правда. И я сейчас в полной заднице».

«Юля, че за фигня? Где моя жена?»

Я нашёл телефон. Набрал номер.

Юля. Лучшая подруга Лены. Худшая разведённая подруга, которая ненавидит меня с первого дня знакомства. Красивая, глазастая брюнетка. Она вообще всех мужиков ненавидит. Но сейчас она — мой единственный якорь в этом сумасшедшем мире. Господи, как я докатился до жизни такой, что звоню женщине, которая мечтает кастрировать меня взглядом?

— Алё, Юля? Че за фигня? Где моя жена?

— Илья? Тебе чего надо? Ты чё звонишь? — голос сонный, злой. Кажется, я кого-то разбудил. Или не разбудил — ей просто всегда со мной некомфортно.

— А то ты не знаешь? Че за прикол?

— В каком смысле?

— В прямом! Где Лена?

— Илья, блин, ты в своём уме? Ты чё, ещё со вчера бухой?

— А я вот не знаю, Юля. Я уже сам не понимаю. Думаю, что с сегодня. Такие мысли у меня в голове. Мне кажется, я сплю. Или схожу с ума. Или то и другое одновременно.

— Так, Юля, если это такой прикол, чтобы я понервничал — у вас вышло. Я уже почти в штаны наделал. Признавайтесь, где камера? Это «Скрытая камера»? Я сейчас буду смеяться?

— Илья, стоп. Я действительно ничего не понимаю. Что случилось? Говори спокойно, без истерики.

— Что случилось? У меня дочь у соседки. И записка на холодильнике. Мол, вы меня все задолбали. Я улетела на Ба-

ли. Понимаешь? Как в той дурацкой песне. «Вы меня все... я уеду на Бали». Она там с билетом в одной руке и с чувством собственного достоинства в другой.

— Да ладно??? Она чё, реально уехала?

— В смысле — реально? Ты что, тоже ничего не знала? Вы же с ней лучшие подруги! Вы же обсуждаете всё! Вы же, вместе по магазинам ходите и сплетничаете!

— Илья, послушай... — в голосе Юли появилась какая-то новая, странная нотка. Не то сочувствие, не то облегчение. — Последние полгода она мне часто говорила, что выгорела. Что её всё достало. Ты со своими пьянками, отсутствием времени и так далее. Но я думала, она так — поговорит и успокоится... Ну, знаешь, как обычно. Женщины любят поговорить.

— И почему ты мне не сказала? — заорал я в трубку, чуть не выронив стакан. — Ты хоть слово могла бы сказать! Предупредить!

— Илья, ты что, дурак? — её голос снова стал жёстким. — А ты сам не видел, что с ней происходит? Ты что, с ней не жил? Глаза у тебя есть? Или ты только в свой телефон смотрел и в телевизор?

— Нет. Не видел. Всё нормально было. До сегодня! — сказал я и сам себе не поверил. Но обидно было признавать, что я реально ничего не замечал.

— Ну, я, честно говоря, сама не думала, что она на такое решится. — Юля вздохнула. — Ладно, отдохнёт да приедет

через пару недель? Помается на Бали, попьёт коктейлей, пофоткается для Инстаграма и вернётся.

— Юля, ты не понимаешь. — Мой голос сорвался. — Там речь не про отпуск. Она послала напрочь всё. Понимаешь? Всё. Включая свою дочь. Кто вообще так делает? Что вообще должно произойти, чтобы так сделать? Нет, серьёзно, я хочу знать! Это что, болезнь такая? Кризис среднего возраста в действии?

— Так, ладно, Илья. — Юля стала серьёзной. — Я сейчас приеду. Сиди на месте. И ничего не делай. Особенно глупостей. Слышишь?

— Давай. — Я сбросил звонок и посмотрел на стакан. Виски кончился. А жаль. Я бы ещё налил.

«Печаль»

Я ещё выпил пару бокалов воды. Решил, что хватит на сегодня. Иначе завтра будет двойное похмелье. Или тройное.

Дочь так и не решился забрать. Соседку я знал очень хорошо — с самого детства. Она была прям такой миссис Марпл из нашего подъезда. Всё про всех знала. Алиса её любила, она ей заменяла бабушку. Обычно они там пекли пироги да что-то вышивали. И я подумал: «Может, Алисе там сейчас лучше, чем с папой-алкоголиком, который пьёт виски с детским соком?». Грустно.

Прошёл час. Или два. Я уже потерял счёт времени.

Юля была на пороге. Собранная, злая, с пакетом, в котором что-то звякало.

— Принесла еду, — сказала она, проходя на кухню. — Ты, небось, кроме виски и сока ничего не жрал.

Она зашла. Осмотрела квартиру. Убедилась, что вещей нет. Перечитала записку. Села напротив меня. Посмотрела. И ничего лучше не придумала, как сказать одно единственное, но очень ёмкое слово:

— Низдец.

— Ага, — кивнул я. — Кратко и ёмко. Как в отчёте о проделанной работе. Низдец.

Мы помолчали.

— И что дальше делать? — спросил я.

— А кто его знает, — честно ответила Юля. — Главное — не переживай. Мы дозвонимся до неё. Рано или поздно. А пока...

— А что пока? — я с надеждой посмотрел на неё.

— А пока давай включайся в режим «мама-папа два в одном». Ты теперь у нас отец-герой. И мать, кстати, тоже. Учись готовить, стирать, заплетать косички и говорить «нет, доченька, это не съедобно».

— В каком смысле? У меня работа! — возмутился я. — Я не могу просто так взять и... и... стать матерью Терезой в юбке!

— А у Лены работы не было, да? — парировала Юля. Или она просто дома сидела, детей растила, а ты тут «я работаю, я устал»? — Она посмотрела на меня взглядом, которым смотрят на особо опасных преступников.

Я заткнулся.

Я начал бесцельно ходить по квартире. В голове — каша из виски, детского сока, паники, страха и дурацкой мысли: «Что же Алиса скажет?».

Что готовить на ужин? Что говорить Алисе? «Дочка, мама улетела на Бали искать себя, а мы с тобой будем есть гречку и смотреть мультики» — звучит как начало дешёвого фильма ужасов.

Похмелье накатывало второй волной. Юля ходила за мной и что-то вещала про режим, про ответственность и про то, что «мужики все козлы, но ты, Илья, исключение, потому что ты ещё больший козёл, чем остальные».

Короче, я был в панике. Полной. Вселенской. Такой, что хотелось залезть под стол и не вылезать.

А на фоне — одна, главная, мерзкая, липкая мысль, как тот самый детский сок на дне стакана: «Она с концами или это отпуск? Господи, почему мы просто не поехали в ТЦ? С бургерами и пивом? Почему всё так сложно? Почему нельзя было просто сказать: "Илья, я тебя не люблю, пойду-ка я на Бали, пока-пока"? Зачем все эти записки, драмы, подруги, детский сок?»

Я не знал ответов.

Знаю только одно: этот день я запомню навсегда. Потому что это был день, когда моя жизнь разделилась на «до» и «после». И в «после» не было ни Лены, ни нормального утра, ни внятных ответов.

Был только я, детский сок в вискаре, злая Юля, которая принесла еду, и чувство, что я нахожусь в центре дешёвого мексиканского сериала. Только без счастливого конца. И без панамки.

Часть 4.

Бригада поддержки.

Юля ещё побухтела. Отчитала меня за все мои грехи трижды. Сначала за то, что много пью (актуально). Потом за то, что мало помогаю (справедливо). Потом за то, что вообще родился (несправедливо, но что с неё взять). Но помогла. Серьёзно. Рассказала, во сколько отводить дочь в сад, написала на клочке бумаги чем с утра кормить Алису. И даже сказала, что позвонит с утра — проверить, не умерли ли мы.

— Я позвоню в семь утра, — сказала она тоном, не терпящим возражений. — Проверю, что вы живы.

Ппц. Ещё одна женщина решила меня контролировать. Ну ладно, здесь я был даже рад. Впервые эта разведёнка с прицепом оказалась полезной. Остаткам семьи.

Она хлопнула дверью и что-то крикнула в мой адрес. Что-то явно нехорошее. Про мужиков, которые «не ценят», и про «карму». Мне было пофиг. Вискарь потихоньку отпускал, похмелье — тоже. Но мысль догнаться пивком не отпускала. И мысль о бургере в ТЦ — тоже.

Но сейчас не об этом. Время уже ближе к вечеру, а я всё не решусь забрать дочь. Ладно. Сейчас ещё позвоню главному боссу. Группе поддержки. Сестре Инге.

Как никак, родная поддержит. У неё уже двое взрослых детей, она профи, она не будет меня пилить. Наверное.

— Алло, Инга? Привет.

— Ну, чего хотел? — вежливо, подумал я.

— Инга, мне низдец!

— Да ладно. Что, вчера в баре наконец тебе нос сломали?

— Жизнерадостно поинтересовалась сестра. — Давно пора.

— Инга, я серьёзно!

— Да чего у тебя может случиться, кроме геморроя? В твоём возрасте это нормально и лечится. Так что не парься.

Инга, конечно, умела поддержать. Прямо молодец. Психолог хренов.

— Инга, меня Лена бросила!

— Да тебя, мудака, вообще странно, что так долго терпели. — В её голосе не было ни капли сочувствия. — Не парься. На ночь ко мне придёшь, постелю на коврик. Рядом с собакой. Рекс всё равно с детьми на кровати спит, а тебе не тесно будет. А потом снимешь себе комнату с гастробайтерами. Как раз как ты любишь — запах грязной одежды и вчерашнего поила.

— Инга, вообще не смешно! Лена свалила на Бали! Оставила записку на холодильнике — и всё! Понимаешь?

В трубке повисла пауза. Сестра, видимо, переваривала информацию.

— Так, стоп, Илья. А Алиса?

— А что Алиса? Алисе завтра в садик. Сейчас она у со-

седки. Я в шоке. Че делать-то?

— Ты звонил ей?

— Ясен хрен звонил! Отключено. Манатки собрала и свалила. Типа «вы меня все задолбали».

— Да, Илья, — вздохнула Инга. — Как я её понимаю...

— Инга!!!

— Ладно, жди. Сейчас приду.

Инга жила в соседнем доме. Поэтому уже через пятнадцать минут она была на пороге. С пакетом. Еды.

Господи, что это за прикол такой? Я что, не способен пожрать приготовить? Лучше бы вискаря прихватила. Но и на том спасибо.

— Мелкий, — Инга ввалилась на кухню и начала раскладывать пакеты (так она меня называла всю жизнь, на правах старшей сестры — и ей пофиг, что мне уже за тридцать). — А Лена молодец. Всё подготовила. Поглажено, постирано, документы в папочке. Тебе, дебилу, даже на завтра вся одежда для Алисы приготовлена. — Она покачала головой. — Да уж. Ну точно молодец. Кроме того, что свалила.

— Инга, хорош язвить, я в умирающем состоянии, — простонал я.

— Ничего, не помрёшь. Так, сейчас идёшь забирать дочь от тёти Зины. Я так понимаю, она у неё. Ведёшь домой. Скажем, что мама уехала в командировку. А дальше что-нибудь придумаем. До вечера я с тобой, ужин приготовлю, спать уложу. А там решим, что делать дальше. И, мелкий, — она

посмотрела на меня с угрозой, — перед выходом зубы почисти. От тебя разит, как от помойки.

— Зубы?! Какие зубы? У меня жена сбежала! — взвыл я, но под её взглядом покорно поплёлся в ванную.

Тётя Зина. Миссис Марпл

Два этажа вниз, налево. Ламповая деревянная дверь. Никакого звонка. Я постучал.

— Ой, Илюша, заходи! — Тётя Зина распахнула дверь. — А мы как раз с Алисой пирог допекли. С малиной. Домой заберёте, мне некому здесь есть.

— Да уж, — буркнул я. — У меня в доме тоже едоков поубавилось.

— Тётъ Зин, спасибо вам большое. Вы нас очень выручили. — Я даже не ожидал от себя такой вежливости. Видимо, всё-таки шок.

— Илюша, да никаких проблем! Я же на пенсии, мне скучно. Приводите когда хотите! — Она заулыбалась, и морщинки на её лице засветились. — Это вы, молодёжь, занятые. Вечно куда-то бежите, вечно заняты. Кстати, с утра, когда Леночка заходила, она мне показалась какой-то грустной. У вас всё хорошо?

— Да, тёть Зин, всё хорошо, — соврал я, но соврал убедительно. — Просто Лена в командировку улетела, всегда волнуется перед полётом.

— Алиса, привет, зайка!

Из кухни выбежала дочка. Довольная, румяная, с запле-

тёнными красивыми косичками. Я почему-то подумал первым делом, что такие косички я ни за что не смогу заплести. И от этой мысли стало немного жаль.

— Ну что, малявочка, пошли домой. Там, кстати, Инга пришла к нам в гости.

— Ура! Инга! — Алиса запрыгала на месте.

— Спасибо ещё раз, тёть Зин, — сказал я и взял дочку за руку.

Мы вышли. Два этажа вверх. Сердце заколотилось. Я не знал, что отвечать дочери, когда она спросит про маму. Легенда про командировку есть. А что потом? Ладно, разберёмся.

А пока — просто идём домой. Под руку с Алисой. С пакетом малинового пирога от тёти Зины. И с мыслью, что, кажется, я вступаю в клуб отцов-героев без лычек, памперсов и малейшего понятия, что делать дальше.

Часть 5.

Первый день.

Инга не стала меня будить по-человечески. Она просто взяла стакан воды и вылила мне на голову. Так начался этот день.

С дикими криками:

— Илья, ты чё охренел?! Мело... мелкий! Время — полвосьмого! Ты уже час как должен был на ногах! Будильник! Я тебе звонила час!

— А откуда у тебя вообще ключи? — спросил я, вытирая

лицо. Вода попала в нос, в ухо и, кажется, в душу.

— Илья, ты совсем тронулся? У меня всегда ваши ключи были. Как и у тебя от моей квартиры. Ты что, забыл? Или после вчерашнего всё?

Так, стоп.

Вчера, после того как Алиса уснула, я добрался до сувенира от друга. Который привёз мне с Эмиратов. Десять маленьких таких бутылочек с разным элитным алкоголем. Думаю: «Сейчас одну вскрою». Кажется, это был Black Label. Потом Red Label. Потом джин. А потом... потом кто его знает, что там ещё было. Но я, похоже, прикончил сувенир. А сувенир прострелил меня. Одна бутылочка осталась — но это уже не спасение. Понятно, что я ни от звонка, ни от будильника не проснулся.

— Инга, блин, ну можно же было без воды обойтись?

— Илья, давай-ка быстро на кухню. Завтрак дочери готовь. Я пока разбужу.

Инга пошла в комнату будить дочь. А я отправился на кухню.

Так, завтрак. Пивка бы... О боже, похмелье опять. Ладно. Всё бросаю пить. Как обычно.

Что мы обычно по утрам готовим дочке? Вообще не проблема! Ща решим. Ничего сложного.

Я лихо разбил яйцо в остатки вчерашних макарон, пожарил. Отрезал сыровяленой колбасы. Сделал бутерброды. Ща накормим любимочку.

Из ванной уже доносился детский смех. Алиса обожала Ингу, они общались прям как подружки. Без всяких там «тётя Инга» и прочее. Понятно, проснулись. Это хорошо.

Первой вошла Инга.

— Илья, ты нормальный? Даже я знаю, что твоя дочь запаха этой колбасы не переносит! А ты решил её таким завтраком накормить? И макароны с яйцом? Серьёзно? Ты чё, собрался Коляна после вчерашней пьянки накормить? Ты про кашу слышал вообще?

— Ну...

— Ладно, сегодня помогу. Завтра сам.

Инга лихо справилась с молоком, какими-то хлопьями. Что-то там заварилось. Капля варенья. Какие-то сушёные фрукты. Серьёзно? Это всё у нас дома было?

И на финал — какао с молоком.

Как раз подросла Алиса. Уже, кстати, одетая.

— Молодец какая, сама уже одевается, — сказал я Инге.

— Илья, ты серьёзно? Ей пять лет. Представь себе, она ещё и попу себе сама вытирает!

— Инга! — смущённо засмеялась Алиса.

Завтрак прошёл быстро и суматошно. Инга тоже собиралась на работу. Я доел то, что должна была есть дочь. В голове мысли: как бы гайшников не было по пути на работу. И — а куда вообще вести дочь?

Садик от дома — минутах в десяти пешком. Тут, скажу я вам, мне было даже весело. Алиса шла, прикалывалась, рас-

сказывала про какого-то Влада А4. Я так понял, это переросток-блогер для детей.

И тут — момент.

— Папа, а когда мама позвонит?

Внутри появился гнев. Тот самый, который сейчас повалит через уши. Но нет. Алиса быстро переключилась и что-то опять начала рассказывать про очередного блогера. Пар сошёл на нет.

— Не знаю, Алиса. — Я сглотнул ком. — Думаю, обустроится — и сразу нам позвонит.

Зайчики, гномики и воспитательница с волосами до пояса

Заходя в садик, я понял одну вещь: а куда дальше-то?

— Алиса, вы же зайчики?

— Папа, зайчики — это ясли. А я вообще-то уже в подготовительную хожу. Мы гномики. Нам туда.

И я пошёл за дочкой.

Ппц. Зайчики, солнышки, гномики, крабики. Как это всё запомнить?

Мы зашли в группу. В раздевалке уже стояла воспитательница. Молодая девчонка, лет двадцати пяти, милая на вид. И самое главное — у неё волосы были ниже пояса.

Да как она вообще моет их?

— Извините, вы, постойте. Вы же Илья, папа Алисы?

Блин, не успел свалить. Сейчас начнётся. Шторы, санитарные дни и ещё прочая чушь, которая мне сейчас совсем

не интересна.

— Да, Оксана Юрьевна, — сказал я (имя предусмотрительно спросил у дочки, как раз на такой случай).

— Подпишите, пожалуйста, документы. Тут за то, что вы ознакомлены: детям будут делать прививки в среду.

Серьёзно? Господи, тут есть взрослые, у кого спросить-то можно? Можно такое вообще подписывать?

— Что-то не так?

— Да нет, всё так. Но обычно этим занималась моя жена. Могу я завтра подписать? Позвоню ей...

— Да, конечно. Только завтра обязательно. Потому что если вы не подпишете, то вам не сделают прививку. А это плохо. Вам потом всё равно придётся делать её в больнице самостоятельно и приносить справку.

— Хорошо, я вас понял.

Да что за утро? Я ещё даже до работы не доехал, а уже устал. Серьёзно. И вот Лена так каждый день?

Ладно, разберёмся.

Мой верный солярис и Инга-спасительница

Я вернулся во двор. Там стоял мой верный, хоть и старенький, солярис. Ну ты не подведи меня.

Всё в порядке. Мой конь работает. Выруливаю со двора, параллельно набираю Ингу.

— Алло, Инга?

— Илья? Ещё часа не прошло, а ты уже сдохнуть без бабы пытаешься?

— Так, старая (ага, я её так тоже с детства называю, на правах младшего брата). Короче, тут в садике чё-то подписать надо. За какую-то прививку. Че делать?

— Подписывать. Если ты не хочешь, чтобы Алису из садика высадили. Что, высадили уже?

— Пока нет, но...

— Короче, мелкий, не тупи. Подписывай. И если в следующий раз тебя спросят про глистов — тоже соглашайся. Пусть проверяют.

— Инга, ты серьёзно про глистов?

— А ты думал, декрет — это только косички и кукуруза? Подписывай и не ной.

Инга, в общем, поглумилась надомной, но помогла. Бог с ней.

Офис. Или как я понял, что работа — это отдых

Приехав в офис, я как обычно с трудом припарковался и пошёл на своё рабочее место. А оно находилось на одиннадцатом этаже стеклянного здания. Как же мне тогда казалось круто работать здесь — в офисе с видом на Неву, в большом опенспейсе, в единой команде, все такие заряженные, позитивные, амбициозные...

Ага.

Всё это — чепуха работодателя, компенсирующая всякими плюшками в виде бесплатного кофе и сухих печенек однотонную работу и низкую зарплату. Но одно радует: сейчас доберусь до своего места, налью кофе и съем свой любимый

сэндвич. И какой-нибудь десерт.

Кофе налил.

Опа.

Вот и съел я свой сэндвич?

Нет.

Потому что его не было.

Я открыл рюкзак. Порылся. Потом ещё раз. Потом заглянул во все отделения, будто сэндвич мог спрятаться в кармане для ноутбука.

Пусто.

И тут до меня дошло. Медленно, как похмелье. Лена всегда, слышите, ВСЕГДА аккуратно клала мне в контейнер сэндвич и какой-нибудь десерт. Каждый день. Два года. Я даже не замечал этого. Просто открывал рюкзак — а там еда. Готово.

А сегодня — нет. Сегодня я стоял посреди опенспейса, смотрел на недопитый кофе и пустой рюкзак и пытался понять: я сейчас её ненавижу за то, что она улетела? Или грущу, потому что она не положила мне сэндвич?

И ведь сам не положил. Не догадался. Вчера было не до сэндвичей, я сувенир с Эмиратов уничтожил. А сегодня — расплата. И не только похмельем.

Я сел за стол. Откусил сухую печенку. Запил кофе.

И понял одну простую, дурацкую вещь.

Лена делала это всё. Каждый день. И садик, и завтрак, и сэндвич. А я даже не замечал. Принимал как данность.

Ну вот. Получил данность. В полный рост. Без сэндвича, без Лены, с пятилетней дочкой, с кучей подписанных бумажек про глистов и с воспитательницей, у которой волосы до пояса.

— Илья, ты чего такой кислый? — спросил коллега Колян, заглядывая через перегородку. — Вчера перебрал?

— Колян, отвали. У тебя сэндвича лишнего нет?

— Не, я диету начал.

— Иди в баню.

Я налил ещё кофе и уставился в монитор. Работа не ждала. Алиса не ждала. Жизнь не ждала.

Ладно. Разберёмся. Куда деваться.

Часть 6.

Обеденный перерыв.

Время близилось к обеду. Только сейчас начал приходить в себя. Поймал себя на мысли: я до сих пор не осознал, что от меня ушла жена. Никогда раньше не понимал фразы «некогда страдать». А сейчас — похоже. Жена, уже получается бывшая, на Бали, а я думаю о прививке, о том, что Алису надо забрать из садика, и о том, что я не успеваю.

И когда, спрашивается, страдать?

Об обеде я особо не парился. Еды-то не было. Да-да. Тех самых контейнеров с едой у меня сегодня не было.

Как же они меня раздражали. Еда из контейнера. Ужас. Пластиковые гробы с пюрешкой и котлеткой. Я каждый день открывал рюкзак и думал: «Ну опять этот борщ, опять эти

макароны». Бесило. Всё бесило. И контейнеры, и то, что она их мыла, и то, что она их складывала. Я даже не замечал, что они вообще существуют, пока они были. А как не стало — заметил.

Вот, Илюха, будь осторожней со своими желаниями.

Лена каждый божий день собирала мне эти пластиковые контейнеры. Два года я ел и возмущался. А сегодня их нет. Но почему-то легче не стало. Даже наоборот. Я сижу, смотрю на пустой рюкзак и думаю: «А что бы я сейчас ел, если бы она не улетела?»

Борщ? Бррр, фу. Ненавижу борщ. Но... чёрт возьми, я бы сейчас поел борща. С удовольствием. Потому что это был бы не просто борщ. Это был бы борщ, который сварила Лена. Который она утром перелила в контейнер. Который она положила в рюкзак. Подумать только — она думала обо мне. Каждое утро. А я даже не замечал.

Макароны по-флотски на второе. И обязательно какой-то маленький десерт: яблоко, морковка порезанная или просто купленный в магазине у дома бисквит.

Мда.

Почему я раньше не замечал, что мне это нравится? Конечно, это же всё само собой разумеющееся... Ага. Само собой разумеющееся — это когда у тебя есть жена, которая думает о твоём обеде. А когда её нет, ты жуёшь сухую печенку, запиваешь остывшим кофе и понимаешь, что был дураком. Не то чтобы очень большим. Но достаточным, чтобы это за-

метить только сейчас.

Ковёр. Или как я попрощался с новой зимней резиной

Я сидел, жевал печенку и смотрел в окно. Нева, мост, чайки. Красота. А на душе — скребли кошки. И не одна, а целый приют.

— Илья, зайди в кабинет к Борисычу, — прошипела наш офис-менеджер, чётко передав интонацией, что мне хана.

Да-да. Многострадальная дверь и доски. Сейчас меня будут казнить. В голове вообще мысли не об этом. В голове — мысли о еде. И не о своём уже несбыточном обеде, а о том, что Алису надо накормить. И её, в отличие от меня, сухой печенькой не накормишь. Скорей всего, пельмени — не очень. Гречка? Может, сосиски? Ладно, разберёмся по факту.

Я допил кофе, выбросил стаканчик и пошёл на ковёр для порки.

— Виктор Борисович, вызывали?

— Да, Илья. Проходи. Рассказывай, кто подписывал накладные транспортной. Хотя можешь не говорить. Я и так вижу: тут твоя фамилия.

В голове мысль: ну вот зачем была тогда эта эпическая фраза-вступление? Он же и так знал, зачем вызвал. Зачем этот театр одного актёра?

— Илья, мне всё равно, почему это произошло. Но последний — ты. А кто последний, тот и папа. Ты же это понимаешь?

О да. Эта фраза сейчас в моей голове особенно актуальна. Ещё бы добавил: «кто не свалил на Бали, тот и папа». Я чуть не ляпнул это вслух, но вовремя прикусил язык. Шутки с Борисычем плохи. Особенно когда ты уже попал.

— В общем, Илья, решай проблему сам. Клиенты уже звонили, рвут и мечут. Короче, твой косяк — разгрузивай. Все расходы на тебе.

Ну отлично, — подумал я. — Попал. Там логистика тысяч на тридцать. То, что нужно мне сейчас. Прямо очень вовремя. Когда у меня жена на Бали, дочь в садике, а в холодильнике — пустота.

— Я вас понял, Виктор Борисович. Всё решу.

— Завтра зайти вечером и отчитаться о проделанной работе над ошибками.

— Хорошо.

Я вышел. Дошёл до своего стола в полном трауре. Попрошачлся с новой зимней резиной. И с тёплой курткой. И с мыслью, что в этом месяце я ещё мог бы купить себе что-то приятное. Да и бог с ним. Сейчас есть проблемы поважнее. Например, котлеты.

Юля. Или как меня бесит та, кто права

Сигнал на телефон.

Сообщение от контакта «Юля РСП».

«Илья, как ты там? Как Алиса? Лена не объявлялась?»

Ну да. Тебя ещё не хватало.

Я, конечно, благодарен, что она мне помогла. Но от этого

она менее меня бесить не перестала. За то, что она «достойна большего». Поэтому уже два года одна. Очередь что-то не выстроилась. Странно. Она же такая «идеальная». Такая «правильная». Такая «я всё знаю о мужиках».

Я написал.

«Привет. Нет, не объявилась. Всё хорошо. А с каких это пор тебя моя судьба парит? Самого большого идиота из тех, кого ты знаешь, как ты обычно говоришь про меня?»

Ответ пришёл быстро. Слишком быстро. Она явно сидела в телефоне и ждала моего сообщения. Или просто делала вид, что занята, а на самом деле — ждала. Не знаю. Но ответ был — огонь.

«Илья, на тебя мне вообще все-равно. Но Алиса тут ни при чём. А ты — недееспособный. В принципе не способен заботиться о ком-то, кроме себя. Да и о себе — с трудом»

Странно, конечно. Но почему-то эти высказывания от неё меня не сейчас бесят. Даже веселят. Может, потому что она права? Или потому что у неё голос такой, что беситься на него невозможно — только соглашаться? Не знаю. Отвечать я ей ничего не стал.

Следом приходит ещё одно уведомление.

«Вас добавили в групповой чат „Гномики“»

А это что ещё такое?

Сообщение:

«Дорогие родители, к следующим выходным нужно выучить стих с вашими детьми. Готовимся к празднику вес-

ны. Все стихи выданы детям. Не забудьте!»

Серьёзно?

То есть к тем пятнадцати рабочим чатам, где я должен быть всегда онлайн, добавился ещё и «Гномики»?

Лена мне не говорила про эти *секретки*. Она, наверное, сама это всё делала. Стихи, поделки, утренники. А я просто отмахивался: «Дорогая, у меня работы много, ты сама разберись с этим».

Вот, разобрался.

Вечер. Или как я понял, что дома теперь не отдыхают

Рабочий день ещё не закончился, но я уже свалил. Сказал, что на встрече с клиентом. Колян подозрительно посмотрел, но промолчал.

Главное — успеть забрать Алису. Если опоздаю — воспитательница Оксана Юрьевна с волосами до пояса посмотрит на меня так, что я почувствую себя мягко говоря плохо. И будет права.

По пути домой, естественно, встрял в пробке. Опять. Как обычно. Но в принципе успел. Алиса была не последняя. Мы встретились в раздевалке, она подбежала, обняла.

— Папа! А ты знаешь, мы сегодня лепили ёжиков!

— Здорово, зайка. Идём домой. Только заскочим в магазин. Продуктов-то нет.

У Алисы было отличное настроение. И она умудрилась передать его мне. Впервые за день мне стало тепло на душе.

Хотя я уже замученный, злой и безумно голодный.

В магазине я пришёл в себя. Было решено: пюре и котлеты. Картошку чистить я умею. А котлеты купил готовые, потому что лепить их из фарша — это уже перебор. У меня на это нет ни сил, ни времени, ни желания.

Алиса по пути, естественно, нахватала себе всяких сладостей. Шоколадку, печенье, сок в красивой коробке. Я, конечно, купил. Но в голове засела мысль: «Лена же не каждый раз покупала ей всё, что она хотела. Она умела отказывать. А я не умею».

И мне придётся учиться. Потому что это теперь часть моей рутины. Стихи, прививки, отказы в сладком и готовые котлеты.

Мы зашли домой.

Обычно, когда я переступал порог, я чувствовал: я дома. Отдых. Уют. Горячий ужин на столе. Лена на кухне. Алиса играет в комнате.

А сегодня — нет. Сегодня я смотрел на пустую кухню, на немытую посуду, на пакеты из магазина и понимал: всё только начинается. Ужин надо готовить. Дочку — укладывать. Стихи — учить. А потом — снова садик, снова работа, снова пробки, снова котлеты.

И так — до бесконечности.

Или пока Лена не вернётся.

Но я почему-то думал, что она не вернётся. И от этой мысли было тоскливо и страшно одновременно.

— Папа, а ты будешь меня укладывать? — спросила Алиса, дергая меня за рукав.

— Конечно, зайка. Пойдём, сначала поужинаем. А потом — мультики и спать.

— А мама позвонит?

— Не знаю, малышка. Надеюсь.

Глава 7. Утро, которое научило меня ценить бананы, косички и мягких корги

Ночь была ещё та. Ни звонка, ни смс от Лены я не получил. В голове — одна мысль: «Ладно, я дурак, мне не нужно писать. Но Алиса?» И этот вопрос застыл где-то между третьей и четвёртой рюмкой. Хотя нет, рюмок не было. Я не пил. Но если бы пил — был бы уже на дне.

Уснуть я смог только к трём ночи. А в 6:30 уже вставать. Собирать дочь в садик. И что-то себе сегодня надо накидать в контейнеры на работу. Потому что, как выяснилось, еда сама себя в рюкзак не кладёт. Кто бы мог подумать.

Прокручивал мысли в голове. Последние пару лет. Где я был полным идиотом? Пазлы не складывались. Дома всё нормально. В отпуск ездили. Ипотека. Она работала, как и хотела... или не хотела? Что вообще произошло? Я даже до конца не мог понять, что чувствую. Злость? Обиду? Предательство?

Я точно чувствовал одно: если я сейчас не усну — мне хана. До подъёма оставалось несколько часов. А раньше я вставал уже когда дочь была в садике. Завтрак готов. Жена красивая и уже выпила кофе. Может, где-то здесь я что-то упустил? Я вообще когда ей завтрак готовил? А Алису в садик

водил? Вопросы, на которые я предпочёл не знать ответов.

Ладно. Нечего тут страдать. Надо спать. Завтра в садик.

Завтрак банановой трагедии, или как я чуть не стал врагом народа

В это утро я проснулся... ну, как нормально. В 6:30. Не буду говорить, что я герой. Я купил кашу, которую нужно залить кипятком, и кинул туда бананы. Налил какао. Реально, я даже не знал, что у нас есть какао. Видимо, это была та самая «стратегическая база», о которой Лена забыла мне рассказать.

Сигнал на телефон.

«Илья, доброе утро. Ты встал?»

Вот чего-чего, а этого я точно не ждал. Смс от Юли РСП.

«Юля, я и так с утра вообще никакой, а ты ещё одним своим сообщением меня бесишь. Не буду отвечать», — подумал я и пошёл будить Алису. Потому что бесить Юлю — это, конечно, весело, но дочь важнее. Даже в 6:30 утра.

— Зайка, солнышко, просыпайся.

Ага. Алиса отвернулась и сопит дальше. Как сурок. Как тот самый сурок, который предсказывает погоду, но ему на всё плевать.

— Заенька, завтрак стынет.

Она вроде начала шевелиться. И тут я получил первую награду за всё это утро. Она повернулась и... знаете, пробуждение ребёнка — это не как у нас, взрослых. Мы встаём недовольные, с мыслями о пробках, работе и бесконечных

делах. А дети первым делом — улыбаются. Вот бы мне такой талант. Или хотя бы рецепт того, что они пьют на ночь.

Алиса первым делом потянулась, потом обняла меня, сказала: «С добрым утром».

Опа. Вот это мотивирует. Вот это заряжает. Теперь понятно, где Лена хоть капельку энергии брала. Не в кофе. В этих объятиях.

Алиса встала лохматой, в пижаме, которая съехала куда-то набок, открывая плечо. Да-да, я надел ребёнку пижаму. Хотя до сих пор не понимаю: зачем спать в одежде? Что это вообще за униформа на ночь? Мы что, в армии?

Признаюсь: когда укладывал, всё делал по списку Инги. Накормил, напоил, расчесал, надел пижаму — и спать. Пятнадцать минут рассказов про мою скучную работу — и она вырубилась. То была ночь. Вчера. А сейчас — утро.

— Пап, — обиженно спросила Алиса.

— Что, зайка?

— Это что, бананы в каше?

— Да.

— А ты что, не знаешь, что я не ем бананы?

«Ну прилип», — пронеслись мысли в моей голове. Целым табуном. С копытами.

— Серьёзно? И когда ты перестала их есть?

— Пап, ну ты что. Я их никогда не ела.

Ну вот, приехали. Любимый папа называется. Ладно, сейчас будет миссия спасения каши от вторжения бананов. Хо-

рошо, я их не мелко порезал. Я лихо выловил все банановые улики, сам их проглотил — и вроде всё нормально. Алиса довольно позавтракала, и мы отправились к следующей миссии. Коих, как выяснилось, будет много.

Хвостик вместо косичек. И хвала Инге

Потом я отправил её умыться. Я вот не уверен, что порядок правильный. Потому что я сначала умываюсь, чищу зубы, а потом завтракаю. Вроде нелогично. Но я — это я. А дочь — тут всё надо по науке. Которая мне неведома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.